

ГІСТОРЫЯ

Таким образом, в начальный период нацистской оккупации Западной Беларуси помимо криминальных преступлений и злоупотреблений служебным положением сотрудниками коллаборационной администрации и полиции имели место конфликтные ситуации между гражданами как результат сложного наследия советской эпохи. Некоторые граждане предпринимали попытки использовать немецкую и коллаборационную администрации как инструмент мести своим обидчикам периода советской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). Ф. 2843. Оп. 1. Д. 7. Дело по обвинению Тарашкевича Федора и Боровко Николая самогоноварении.
2. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 19. Дело по обвинению Тараскевича Ивана и других в самогоноварении.
3. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 12. Дело по обвинению Гринько Николая и других в драке.
4. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 18. Дело по обвинению Никеперовича Михаила и других в избивании полицейского.
5. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 20. Дело по обвинению Тарасевича Валентина и других в разоружении полицейского.
6. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 16. Дело по обвинению Летчика Фабиана в краже табака.
7. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 10. Дело по обвинению полицейских Агеева и Шалковского за самовольное проведение обыска.
8. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 11. Дело по обвинению Боровко Анатолия в злоупотреблении служебным положением.
9. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 21. Дело по обвинению Яриковского Эдуарда в незаконных действиях.
10. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 15. Дело по обвинению Игнатовича Тишки в коммунистической деятельности.
11. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 17. Дело по обвинению Липницкого Казимира в коммунистической деятельности.
12. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 1. Дело по обвинению Диковича Евстафия в коммунистической деятельности.
13. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 3. Дело по обвинению Кабайло Александра в коммунистической деятельности.
14. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 14. Дело по обвинению Игнатьева Евстафия в коммунистической деятельности.

УДК 291.12"1920/1930"

РЕЛИГИОЗНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БССР В 1920-х – 1930-х ГОДАХ*магистр ист. наук Н.В. ДОВГЯЛО***Полоцкий государственный университет, Новополоцк**

Проанализированы отличия в религиозном мировоззрении отдельных социальных, возрастных, групп населения Беларуси. Определены различия в уровне религиозности верующих, принадлежавших различным конфессиональным группам. На протяжении 1920 – 1930-х годов католики, иудеи, протестанты сохранили высокий уровень религиозности. Для православного населения было характерно снижение уровня религиозности в 1920-х годах и его подъем в конце 1920-х – начале 1930-х как реакция на антирелигиозные мероприятия властей.

Непосредственным источником данных о религиозном составе населения БССР в 1920 – 1930 гг. являются сведения, собранные местными партийными органами. Поэтому составление объективной картины религиозности населения осложняется тем, что ее представляли те же самые активисты, которые отвечали перед вышестоящими партийными органами за проводимую ими атеистическую работу с населением и ее результаты. Это создавало двойственное положение, когда, с одной стороны, для атеистической деятельности необходимо было получать достоверные сведения, с другой – эти же данные должны были свидетельствовать о достижениях на антирелигиозном фронте.

Анализ архивных документов позволяет говорить о том, что уже в первой половине 1920-х годов появилась разница в религиозном мировоззрении отдельных групп населения, совпадавшая с возрастными и социальными различиями. В городах и поселках религиозность рабочих упала, но в деревне на разрыв с религией решались немногие. Высокий уровень религиозности крестьянского населения был тесно связан с сохранением бытовой обрядовости. Сельское население ощущало потребность в торжественной обстановке, отмечающей наиболее важные события в жизни крестьянина и его семьи. В документах, характеризующих религиозные отношения в деревне, указывалось, что церковная обрядовость применяется

ся в быту большинства крестьян: «крестьяне в бога не верят и церкви не посещают, но обряды все-таки совершают» [1, л. 245]; «в большинстве население стало неверующим, но в силу традиции придерживается внешних религиозных признаков (сохранение икон, крещение детей, посещение церкви в престольные праздники)» [2, л. 2].

В архивных документах содержатся факты, свидетельствующие о большом количестве совершаемых обрядов крещения, погребения, обрезания (у еврейского населения) [3, л. 33], [4, л. 5]. Факты крещения детей в конце 1930-х годов имели место даже со стороны партийного и колхозного руководства [5, л. 111 – 113]. Гражданские похороны партийных работников вызвали такие реплики, «как собаку похоронили» [1, л. 245]. Однако фиксируется уменьшение случаев совершения церковного брака. Эта тенденция была общей для всех республик СССР, т.к. снижался уровень религиозности среди молодежи.

Об уровне религиозности свидетельствуют также такие факты, как спрос на свечи, молитвы, тарелочные сборы, выплаты граждан за духовенство, покупка предметов культа, ремонт церковных помещений. Подобные проявления религиозного сознания фиксируются даже у партийных работников. Так, член РИКа Шкловского района Щербаков, выступая на собрании верующих, заявил: «Мы должны назначить жалование священнику. Я думаю, что мы не должны отказываться от церкви, если мы ее бросим, то разбредемся, как овцы. Со своей стороны предлагаю назначить жалование священнику 300 руб. в год» [6, л. 286].

Уровень религиозности населения зависел от возраста и пола: «старики и женщины в подавляющем большинстве религиозны. Средний возраст уже сомневается в существовании бога, но в церковь заглядывает. Рост антирелигиозного настроения можно отнести только к молодежи» [1, л. 245].

На территории БССР социологическое исследование уровня религиозности проводилось в 1929 – 1930 гг. Было опрошено 3086 респондентов из разных социальных слоев: крестьянство, рабочие, научные сотрудники, заключенные. Относительно небольшое количество респондентов не позволяет создать в полной степени объективной картины религиозности населения БССР (количество верующих из общего числа опрошенных составило только 30%). Но данное исследование подтверждает вышеобозначенные тенденции, а именно: процент верующих женщин был намного выше, чем верующих мужчин (42,7% против 21,6%), сельское население было более религиозно, чем городское (31,1% против 14,7%), существенные различия наблюдались в восприятии религии различными возрастными группами (среди респондентов старше 50 лет верующих было 73 %, тогда как в возрастной группе 17 – 19 лет только 10,9%) [7, с. 14 – 19]. Подтверждается в исследовании и тот факт, что религиозность крестьянского населения была тесно связана с бытовой обрядовостью. «Мы бачым у рэлігійным абрадзе свайго роду забаву, бо лепшага і больш прывабнага нам нічога не паказваюць» – писали в анкете ремесленники из Кричева. «Я выконваю ўсе абрады, малюся, пашчуся. Абрады выконваю з прыемнасцю, бо мне падабаецца іх урачыстасць» – написано в анкете торговца с местечка Городец. [7, с. 38 – 39]. Кроме этого, исследование зафиксировало выполнение религиозных обрядов 2% неверующих людей [7, с. 40].

Необходимо отметить, что наблюдались существенные различия в уровне религиозности верующих, принадлежавших различным конфессиональным группам. На территории Беларуси в это время наиболее влиятельными и представительными были четыре конфессии: православие, католичество, иудаизм и протестантизм.

Доминирующее положение занимала Русская Православная церковь. По данным ЦИК БССР и Союза воинствующих безбожников БССР, на территории Беларуси до 1917 г. было 2155 православных священников и 1650 православных общин [8, с. 377]. Однако внутренние проблемы Русской Православной церкви не могли не отразиться на уровне религиозности православных верующих. Религиозность населения постепенно падала: количество верующих, посещавших церковь, варьировало от 1% до 30% в зависимости от округа и района. Так, на территории Полоцкого округа наиболее высокие показатели были зафиксированы в Ветренском и Ульском районах [9, л. 693]. Посещали церковь в основном женщины и пожилые мужчины. В информационной сводке Полоцкого окружного отдела за 1926 г. указывалось, что «церкви пустуют, богослужения совершаются редко, посты не соблюдаются, участились случаи заключения гражданских браков» [10, л. 381]. Эту ситуацию подтверждают и источники конфессионального происхождения. В переписке Синода с Гомельским епархиальным управлением за 1926 – 1928 г. указывается следующее: «Ярким показателем религиозного равнодушия является малая посещаемость храмов. Мужское население по воскресным и праздничным дням на богослужениях почти не бывает. Среди мужской молодежи посещение храма считается дурным тоном, признаком отсталости»; «при современном безразличном отношении верующих к религии наши сельские храмы в рядовые праздники и воскресные дни бывают почти пусты» [11, л. 53].

Православное духовенство теряло авторитет. В архивных документах зафиксированы многочисленные факты пьянства священнослужителей, краж и других низкоморальных поступков. Участились

ГІСТОРЫЯ

случаи снятия сана. Многие священнослужители отказывались от сана публично, публикуя в газетах заявления о том, что они осуждают все свои религиозные заблуждения, не желают далее обманывать трудящихся и разделяют идею материалистического понимания мира [12, л. 4].

Католичество было третьей по значимости конфессией после православия и иудаизма. Общее количество верующих католиков, проживающих на территории Беларуси в 1917 г. составляло около 2,5 млн человек [13, с. 111]. Практически все исследователи этноконфессиональной истории Беларуси 1920-х годов отмечают высокий уровень религиозности среди католиков, который проявлялся в высокой набожности, уважительном отношении к духовенству, соблюдении обрядов и устойчивости религиозных обществ [8, с. 22].

Наиболее верующей частью населения были люди старшего и среднего возраста, особенно женщины. Католическое духовенство обладало значительным авторитетом и влиянием на население. [14, л. 15]. Костелы посещались регулярно, не было зафиксировано не одного случая совершения церковных обрядов без ксендза. Среди населения наблюдалось недовольство по поводу арестов духовенства [15, л. 383]. Партийными работниками такое отношение верующих объяснялось тем, что католическое население Беларуси (как польское, так и белорусское по национальности) вместе с духовенством на протяжении многих лет являлось объектом угнетения со стороны русского царизма и православной церкви. Это привело к внутреннему объединению католиков. Поэтому отношение католического населения к своей вере и духовенству значительно отличалось от отношения православных: все антирелигиозные мероприятия и критика духовенства воспринималась верующими резко негативно [15, л. 905].

В отсутствие ксендзов, а нередко и в отсутствие храмов, религиозная жизнь католиков концентрировалась вокруг костельных советов (комитетов) и религиозных кружков. Костельные советы (численностью 5 – 7 человек) были абсолютно легальными организациями, состоящими из наиболее активных верующих, они существовали почти при каждом костеле или каплице. Состав этих организаций был преимущественно мужским. В обязанность советов, в первую очередь, входило распространение и укрепление веры [8, с. 26].

Если костельные советы являлись официальными организациями, предназначенными в т.ч. и для контактирования с властями, то религиозные кружки были нелегальными. Наиболее распространенными считались кружки «Ружанец» и терциариев. Согласно уставу общества терциариев, его члены должны были уведомлять ксендза о всех прихожанах, нарушающих религиозную нравственность, об их поведении и деятельности, а также заниматься распространением и укреплением католической веры. По данным ГПУ Беларуси, общества терциариев нелегально существовали в г. Минске (в состав общества входило не менее 80 человек), а также при Бобруйском, Оршанском и Могилевском костелах [16, л. 12 – 13].

Кружки «Ружанец» представляли собой женские группы, в которые входило по 15 человек. Как правило, они существовали при каждом костеле и «являясь примером нравственности, должны были следить за нравственностью других». На 1927 г. в Слуцком округе было выявлено 15 кружков «Ружанец», в Мозырском – 3, в Бобруйском – 4. В Минске действовало 12 кружков (180 человек) [8, с. 26].

О высокой религиозности католиков говорят многочисленные случаи недовольства атеистическим образованием и требования введения преподавания религиозных предметов в школе. Такие примеры были зафиксированы в 1924 г. в Мозырском, Бобруйском и Гомельском округах [8, с. 23].

Наряду с этим отмечены факты отхода от религии. В 1927 г. в Мозырском округе «религиозность польского населения и белорусов-католиков за последнее время ослабла» или «наблюдается резкое отшатывание от религии польского населения». В качестве аргументов приводятся: уменьшение посещения исповеди, уменьшение посещаемости костела, повышенный интерес к мероприятиям советской власти и т.д. [8, с. 34]. В первую очередь эти процессы затронули молодежь мужского пола. Имеют место и факты, свидетельствующие о падении авторитета духовенства [8, с. 24 – 25]. Особенно важными для советской власти являлись факты отречения от сана католических священнослужителей. Всего в БССР в течение 1920-х годов отказались от сана священника четыре ксендза: Вл. Хрщонович, И. Жамойтук, А. Сак и Б. Вольнец [8, с. 44]. Так, отречение от сана ксендза Хрщоновича было превращено в крупномасштабное политическое мероприятие. Для осведомления польского населения предлагалось «широко осветить это событие в местной прессе (польской, русской, белорусской), издать брошюру «Почему отрекся от духовного сана ксендз Хрщонович» в виде приложения к газете «Млот» с тиражом в 5 тыс. экземпляров, поручить политбюро использовать гр. Хрщоновича для выступлений на польских конференциях, для объезда всех округов БССР, где насчитывается значительное количество польского населения» [17, л. 457].

Второй по численности конфессией на территории Беларуси был иудаизм. До Октябрьской революции действовали 704 синагоги, которые обслуживались 771 раввином [18, с. 195]. Несмотря на антирелигиозные мероприятия советской власти с начала 1920-х годов наблюдался рост влияния иудаизма на еврейское население республики. Практически во всех городах на территории Беларуси, насчитывающих значительное количество еврейского населения, существовали религиозные общины. Первоначально они создавались как союзы прихожан той или иной синагоги. Инициатива в создании и деятельности данных религиозных общин принадлежала не только раввинам, но и общественным деятелям. По мнению историка А. Зельцера, по отношению к религиозной традиции еврейское население можно было условно разделить на три группы:

Первая группа – главным образом молодежь, прошедшая в 1920 – 1930-е годы через советскую систему воспитания и образования, воспринявшая новую систему ценностей и стремившаяся внести эти правила в повседневный быт.

Вторая группа – евреи, определившие себя как религиозные и подтвердившие это во время переписи 1937 г. В эту категорию входили как евреи, открыто демонстрировавшие свою позицию по отношению к антирелигиозной политике властей, так и евреи, которые не проявляли общественной активности, но на повседневном уровне оставались верны соблюдению религиозных заповедей.

В третью входило большинство провинциальных евреев, которые занимали двойственную позицию: с одной стороны, они пытались приспособиться к новым советским условиям, с другой – сохраняли элементы религиозной жизни [19, с. 267].

Росту уровня религиозности еврейского населения содействовала благотворительная деятельность (так называемая «экономическая работа») иудейских общин, которая проводилась в следующих направлениях:

- безвозмездная индивидуальная помощь беднейшим слоям еврейского населения. Например, в м. Улла Полоцкого округа религиозной еврейской общиной была выкуплена лошадь для бедного извозчика;
- стипендии, которые выплачивались детям, обучающимся в хедерах и талмуд-торах, устройство детей для учебы у ремесленников с внесением платы за учебу;
- помощь в исполнении религиозных треб (бесплатная выдача мацы к Пасхе);
- оказание бесплатной медицинской помощи;
- беспроцентные кредиты и т.д.

О высоком уровне религиозности еврейского населения свидетельствуют и архивные документы. В протоколах заседаний национальных секций при Витебском окружном комитете за 1926 г. существуют такие записи: «Религия имеет сильное влияние среди трудящихся евреев местечка Чашники. Почти все кустари, еврейские рабочие и молодежь посещают синагогу. Особенно усиливают еврейское влияние деньги, прибывающие из Америки. На них недавно была построена синагога, хотят построить также религиозную баню. Довольно сильное религиозное обучение детей на дому» [20, л. 155]. Еще одна выдержка из информационной сводки Полоцкого окружного отдела о политическом настроении масс за 1926 – 1927 гг.: «Религиозность среди евреев местечка Дрисса находится на одинаковом уровне по сравнению с прошлым годом. Пасху праздновали почти все. Обрезание проводится всеми. Раввин пользуется авторитетом. Браки без синагоги очень редки и исключение составляют только служащие» [15, л. 848]. Были зафиксированы случаи, когда послушать проповедника в синагогу приходили коммунисты и члены комсомольской организации.

Возобновилась деятельность хедеров и ешиботов. Их количество на территории БССР в это время превышало довоенное. Два учебных заведения с общим количеством студентов 100 человек находились в Витебске [18, с. 196]. Большой и влиятельный ешибот действовал в Полоцке. На территории БССР действовали и подпольные хедеры несмотря на постановление СНК БССР от 26 мая 1922 г. о воспрещении преподавания для детей еврейской национальности, не достигших 18-летнего возраста, религиозных вероучений в хедерах, талмуд-торах и ешиботах, неисполнение которого влекло за собой уголовную ответственность. В 1927 г. только на территории Могилевского округа было выявлено 12 хедеров. В наиболее крупных обучалось до 17 человек [21, л. 139 – 147].

Но также как и в других конфессиях фиксируются факты отхода от религиозной традиции. Например, среди рабочих-евреев Днепровской мануфактуры в Оршанском округе (700 человек) «лишь незначительный процент стариков ходит в синагоги и выполняет религиозные обряды. Остальные не принимают участия в различных религиозных обществах и клерикальных организациях. По субботам от работы не отказываются» [4, л. 9].

ГІСТОРЫЯ

С приходом советской власти массовое распространение получил протестантизм. По сложившейся традиции период 1920-х годов рассматривается историками сектантского движения как «золотое десятилетие». В 1924 – 1926 гг. на территории БССР увеличивается количество протестантских групп наряду с общим увеличением их состава. В докладной записке «О сектантском движении по Белоруссии» указывалось, что за 1923 – 1925 гг. наблюдается увеличение численности евангелистов приблизительно на 40%. Так, в Высочанском районе Витебского округа группа евангелистов в Осиновском и Старобобрыльском сельсоветах набрала в свои ряды до 300 человек [22, л. 34]. В Полоцком округе рост количества протестантских групп наблюдался в Ульском и Ветренском районах [9, л. 116]. Необходимо учитывать и тот факт, что некоторые общины не зарегистрировались, не сообщили про свою деятельность в местные исполкомы и продолжали функционировать нелегально, вне закона.

Основным источником информации о структуре протестантских общин являются списки для регистрации. На основании их анализа можно сделать следующие выводы:

- 1) в составе общин преобладали люди среднего возраста – от 25 до 55 лет;
- 2) молодежь составляла 25 (22)% от общего числа зарегистрированных;
- 3) соотношение мужчин и женщин было практически равным. Это объясняется тем, что к протестантским общинам в основном присоединялись семьями;
- 4) по социальному положению сектантские общины состояли из бедняков (55%) и середняков (45%) [23, л. 24].

По мнению местных органов власти, причинами активного распространения баптизма и евангелизма стали следующие: раскол православной церкви, отсутствие авторитета у православного духовенства, отсутствие священнослужителей в приходах других конфессий, поддержка баптистского движения из-за границы (деньги и литература), правильное (примерное) поведение самих баптистов [24, л. 442]. Можно предположить, также и то, что рост количества членов протестантских общин связан в первую очередь с нежеланием молодых людей служить в армии.

В 1928 – начале 1929 гг. структура протестантских общин принципиальным образом не изменилась. По социальному составу эти группы являлись в основном середнячками, по полу – преобладающее большинство – женщины, преимущественно средних лет. По национальности – в основном белорусы, поляки и латыши.

С конца 1920-х годов Витебский округ, а точнее городок Лиозно, становится центром пятидесятничества в Беларуси. Здесь появилась община евангельских христиан в духе апостольских, которых еще называли «трясунами». В ней было более 80 пятидесятников. Руководителем их считался бывший карательщик Л.К. Дубровский, который сам стал верующим с 1921 г. Раньше этот человек значился пресвитером общины евангельских христиан и, возможно, возглавлял одновременно две группы верующих.

Всего имелась пять отделений секты, которые размещались в разных населенных пунктах: в самом Лиозно, где было 8 верующих, из них 5 женщин; в деревне Ляховик (она находилась недалеко от Лиозно) – 14 человек, из которых 10 женщин; в деревне Жолтики – 30 друзей, половина из которых были женщинами; в деревне Машково складывалась из членов одной семьи в количестве четырех человек, среди которых был только один мужчина. Из приведенных сведений видно, что основную массу пятидесятников составляли представительницы женского пола, в то время как руководителями отдельных группировок и общины в целом являлись мужчины [25, л. 31 – 39].

К «сектантским» советская власть относил и старообрядцев. Точное количество старообрядческих общин подсчитать достаточно сложно. Исследователи считают, что в БССР в 1920-е годы существовало более 50 староверских общин, которые были локализованы в Витебском, Гомельском, Бобруйском, Полоцком и Минском округах. Приблизительное количество верующих – 120 тыс. человек. В списках религиозных общин в БССР за 1926 г. имеются сведения о следующих старообрядческих общинах: Могилевский округ – 1 община (70 человек), Витебский округ – 22 общины (самая большая в м. Плиссы – 1311 человек), Полоцкий округ – 1 община (73 человека), Бобруйский округ – 14 общин (наиболее крупные в Бобруйском и Паричском районах), Оршанский район – 1 община (1000 человек), Борисовский округ – 6 общин [26, л. 2].

На территории Витебщины зафиксировано наибольшее количество староверских поселений, при этом плотность староверского населения была незначительной. Много староверов проживало на хуторах, не общаясь с единоверцами.

В докладной записке «О сектантском движении по Белоруссии» анализируется деятельность трех старообрядческих общин в Бобруйском округе. Указывается следующее: «Численность не известна. Связь с другими общинами не поддерживается. Взаимоотношения с другими сектами и православной церковью отрицательные. Авторитетом среди окружающего населения не пользуются. Антисоветской агитации не замечено.

Отношение к Советской власти лояльное. На молитвенные собрания допускаются все без различия вероисповедания, национальности. Отношение ко всем посещающим лояльное» [27, л. 24].

Религиозная община территориально объединяла жителей одного или нескольких населенных пунктов. Внутри нее проходило обучение, воспитание, жизнь старовера. Община существовала как автономная социальная структура, не принимала стороннее влияние и негативно относилась к всевозможным новациям: советской школе, пионерской, комсомольской организациям, газетам, радио, кино и т.д.

Обладая большим опытом сопротивления власти, староверы не шли на контакт с ее представителями, игнорировали политические и культурные мероприятия. Так, в протоколе № 5 заседания АПО комиссии ячейки КП(б)Б фабрики «Герой Труда» от 10 февраля 1928 г. сообщалось, что культмассовая работа среди старообрядцев д. Марьино Ветковского (теперь Добрушского) р-на практически невозможна, т.к. «...они еще крепки в своих обычаях» [28, с. 30].

Антирелигиозные мероприятия 1920-х годов вызывали интерес у молодого поколения староверов. Любопытно, что факт курения среди староверской молодежи, трактовался советскими властями как позитивный в деле преодоления религиозных пережитков. С середины 1920-х годов в среде старообрядцев, как и в других конфессиях, заметно возрос индифферентизм в вопросах веры, в ряде случаев он перешел в прямой разрыв с вероучением, что повлекло за собой не только исчезновение отдельных старообрядческих религиозных организаций, но и распад некоторых направлений.

Необходимо отметить, что руководство БССР не уделяло должного внимания религиозной статистике и изучению уровня религиозности. Было распространено мнение о том, что с «религией покончено», что «за религию держаться только старики и старухи». В связи с этим отсутствовало точное представление о религиозности населения, деятельности религиозных организаций. Почти во всех союзных республиках плохо велся учет религиозных организаций. Более или менее были учтены те организации, которые имели молитвенные здания. О религиозных организациях, не имеющих зданий, практически не было данных. Это было связано с тем, что закон о сокращении отчетности от 22 августа 1933 г. отменял отчетность, связанную с религиозными объединениями [29, с. 55].

Определенные сведения о количестве верующих и уровне религиозности населения можно получить из анализа переписи населения 1937 г. Она проводилась в январе 1937 г., а уже в сентябре специальным постановлением Совнаркома СССР была объявлена «дефектной» и материалы ее засекречены. Организаторы переписи успели подвести лишь предварительные итоги. Их работа была прервана правительством.

Вопрос о религии возник в переписном листе 1937 г. на самом последнем этапе. Как считают исследователи, он был введен туда по инициативе Сталина [25, с. 10]. Отвечая на вопрос о религии, каждый гражданин должен был обозначить свое отношение к ней, а верующие – указать, какую веру исповедуют. В связи с этим, Комиссия по проведению переписи поставила вопрос о необходимости разработать специальное пособие. В пособии были перечислены все позиции вероисповеданий. В переписи 1897 г. таких позиций было 16. В 1937 г. было принято решение разработать 12 позиций, из них одна – для лиц, не принадлежащих к конфессиям, вторая – сборная для малораспространенных вероисповеданий, третья – для лиц, не давших ясного ответа на вопрос о религии, 9 позиций – для перечисления наиболее распространенных вероисповеданий. Отдельно издавались рекомендации, раскрывающие содержание каждой позиции вероисповеданий с перечислением всех синонимов названий, в т.ч. и устаревших. Кроме того, был создан словарь всех религиозных терминов и названий [71, л. 138].

Перепись состоялась 5 – 6 января и была доброжелательно встречена населением, люди охотно отвечали на все вопросы. Исключением был вопрос о религии. Во многих районах, особенно в сельской местности, он вызвал неоднозначную реакцию. Респонденты были поставлены в сложное положение. С одной стороны, они боялись за себя и за своих родных и близких, а с другой – «кары Божией» за отречение от религии.

Мнения населения по отношению к вопросу о религии разделились. Одни считали, что запись в качестве верующего будет содействовать открытию церквей. Для других основной причиной для обозначения себя верующими были слухи о нападении Польши и Германии. Так, например, в Лельчицком районе были зафиксированы следующие высказывания крестьян: «Всех неверующих во время войны вырежут фашисты, неверующим было хорошо при Советской власти, но недолго, после войны будет хорошо только верующим». Третьи, наоборот, считали, что всех записавшихся верующими выселят или будут клеймить [163, л. 175].

Для ряда парторганизаций явился полной неожиданностью тот факт, что в отдельных районах и сельсоветах целые группы населения во время переписи называли себя верующими. Так, в Заславльском районе в некоторых колхозах число записавшихся верующими доходило до 90 – 95% [163, л. 175].

ГІСТОРЫЯ

В результате ужесточения антирелигиозных мероприятий в 1930-х годах верующее население начало переходить к нелегальным формам существования. Эта проблема очень сильно беспокоила Комиссию по вопросам культов при ЦИК СССР. В докладной записке за 1936 г. указывалось следующие: «создается мнение, что местные работники не учитывают того вреда, который наносят всякие перегибы. Они предпочитают массово-разъяснительной работе методы административного нажима на религиозные организации и служителей культа». По мнению Комиссии, в результате такой деятельности «религиозность населения административно загоняется в подполье, она выливается в тайные формы, ищет выход и находит его сначала в некотором изменении религиозных обрядов и их приспособлении к существующей обстановке, а в последствии в формы организации нелегальных групп, которые широко используются контрреволюционными элементами» [29, л. 27].

По мнению российского исследователя А. Беглова, механизм появления нелегальных приходов был прост. Церковь закрывали, общину снимали с регистрации, но верующие продолжали собираться для молитвы. Часто в роли руководителей подпольных приходов выступали диаконы и псаломщики, монахи, бывшие церковные старосты и просто миряне, хорошо знавшие церковную службу. В докладной записке о состоянии антирелигиозной пропаганды в Могилевской области за 1939 г. указывалось, что в г. Могилеве верующие (30 – 40 человек) собираются на Успенском кладбище, возле кладбищенской церкви. Организатором этого нелегального прихода являлся бывший старший унтер-офицер И.Я. Механиков, который дважды ездил в Москву к митрополиту Сергию с просьбой об открытии прихода и назначении священника. В г. Бобруйске, также на территории кладбища, нелегально действовала церковь и совершались церковные обряды. По неполным данным в этой церкви окрестили свыше 1600 детей 5 – 6 лет г. Бобруйска, а также Бобруйского, Кировского и других районов. В Богусhevском сельсовете Могилевской области действовала «походная церковь», которую организовал дьяк Боханович. Монахини бывшего Бельничского монастыря в очередях говорили старушкам, что есть квартира в Луполовском районе г. Могилева, где можно исповедаться, помолиться и получить благословение [30, л. 8 – 19]. В Бегомольском районе верующие собирались по воскресным дням в частных домах и справляли молебны [5, с. 111 – 113].

Учитывая даже эти единичные факты, можно согласиться с версией о том, что количество нелегальных общин на территории БССР в 1929 – 1936 гг. доходило до 600. Данная цифра подтверждается также интенсивностью легализации незарегистрированных общин в Беларуси во время Великой Отечественной войны [31, с. 62, 68].

Таким образом, антирелигиозные мероприятия органов Советской власти повлияли на религиозное мировоззрение отдельных групп населения. Религиозная обрядовость была сохранена в быту большинством крестьян. Наблюдались существенные различия в уровне религиозности верующих, принадлежавших различным конфессиональным группам. На протяжении 1920 – 1930-х годов католики, иудеи, протестанты сохранили высокий уровень религиозности. Для православного населения было характерно снижение уровня религиозности в 1920-х годах и его подъем в конце 1920 – начале 1930-х как реакция на антирелигиозные мероприятия властей. Религиозное мировоззрение существовало и в конце 1930-х годов, однако его проявление было нелегальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. – Оп. 1. – Д. 2196. Доклады, обзоры, информации о роли духовенства и религиозных сект в деревне. 1925 г.
2. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. – Оп. 1. – Д. 5097. Краткие характеристики экономического состояния и политического положения районов БССР 1930 – 1931 гг.
3. НАРБ. – Фонд 261. Центральный Совет СВБ БССР. Оп. 1. – Д. 14 Отчет Минского горсовета о работе союза воинствующих безбожников и обследовании антирелигиозной пропаганды по районам. 1932 г.
4. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 10062. Оршанский окружной комитет. – Оп.1. – Д. 537. Докладные записки и информации окружного отдела ГПУ о морально-политическом и религиозном настроении масс округа. 1928 г.
5. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 1п. Минский областной комитет Коммунистической партии Белоруссии (ОК КПБ), г. Минск. – Оп. 1а. – Д. 125. Докладные, спецсообщения и переписка с органами НКВД и милиции. 1938 г.
6. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАОМО). – Фонд 6577. Могилевский окружной комитет. – Оп. 1. – Д. 694. Информационные сводки, докладные записки окружного отдела ГПУ. 1928 г.

7. Вольфсон, С.Я. Сучасная рэлігійнасць: Паводле матэрыялаў даслед. ў БССР / С.Я. Вольфсон. – Мінск: Выд. Бел. акад. навук, 1930. – 118, [1] с. – (Працы Бел. акад. навук, Каф. марксізму-ленінізму; Вып. 1).
8. Лебедев, А. Сл. Костел и власть на Гомельщине (20-30-е годы XX века) / А. Лебедев, В. Пинчуков, кс. Лясковски, Сл. – Варшава – Люблин – Гомель, 2009. – 470 с.
9. ГАВО. – Фонд 10061. Полоцкий окружной комитет. – Оп. 1. – Д. 197. Информационные сводки Полоцкого окружного отдела ГПУ о настроении масс. Директивные письма ЦК РКП(б) Полоцкому окружкому. 1924 г.
10. ГАВО. – Фонд 10061. Полоцкий окружной комитет. – Оп. 1. – Д. 639. Протоколы собраний Полоцкого окружкома КП(б)Б.
11. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 361. Переписка Синода с Гомельским епархиальным управлением за 1928 г.
12. НИАБ. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. – Д. 413. Переписка Синода с Витебским епархиальным управлением об отречении священников от веры и лишении их сана. 1929 г.
13. Янушкевич, И.И. Политика советского государства по отношению к русской православной церкви 1917 – 1927 (на материалах Беларуси) / И.И. Янушевич. – Минск, 2006. – 235 с.
14. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. – Оп. 1. – Д. 2440. Резолюция пленума Полоцкого окружкома КП(б)Б от 1926 г. о мероприятиях по осуществлению национальной политики в округе, протоколы заседаний польского бюро при Полоцком окружкоме КП(б)Б, доклады бюро о состоянии работы среди польского населения белорусов-католиков. 1925 – 1926 гг.
15. ГАВО. – Фонд 10061. Полоцкий окружной комитет. – Оп. 1. – Д. 454. Информационные сводки Полоцкого окружного отдела ГПУ о политическом настроении масс в округе. 1926 – 1927 гг.
16. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. – Оп. 1. – Д. 3619. Переписка с ЦК ВКП(б), окружкомами КП(б)Б о переселении еврейского населения в Крым и выяснении причин их возвращения в БССР, антисемитских настроениях в Толочинском р-не, нецелесообразности созыва Всесоюзного съезда раввинов, массового изъятия синагог и др. вопросам. 1927 – 1928 гг.
17. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. – Оп. 1. – Д. 1285. Протоколы заседаний секретариата ЦК КП(б)Б, документы к ним. 1924 – 1925 гг.
18. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 337, [2] с.
19. Зельцер, А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки, 1917 – 1941 / А. Зельцер. – М.: РОССПЭН, 2006. – 475 с.
20. ГАВО. – Фонд 10051. Витебский окружной комитет. – Оп. 1. – Д. 433. Протоколы заседаний нацсекций при Витебском окружкоме. 1926 г.
21. ГАООМО. – Фонд 6577. Могилевский окружной комитет. – Оп. 1. – Д. 271. Циркуляры, инструкции ЦК КП(б)Б по вопросам работы с еврейским населением. Сведения о количестве синагог и раввинов по округу. 1924 – 1927 гг.
22. ГАВО. – Фонд 10051. Витебский окружной комитет. – Оп. 1. – Д. 457. Протоколы заседаний бюро окружкома КП(б)Б. 1926 г.
23. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. – Оп. 1. – Д. 1699. Информационные отчеты окружкомов КП(б)Б. 1924 г.
24. ГАВО. – Фонд 10061. Полоцкий окружной комитет. – Оп. 1. – Д. 42. Информационные сводки окротдела ГПУ и 9-го пограничного отряда окружкому партии. 1925 г.
25. ГАВО. – Фонд 10051. Витебский окружной комитет. – Оп. 1. – Д. 705. Политдонесения окротдела ГПУ окружкому партии. 1928 – 1930 гг.
26. НАРБ. – Фонд 34. Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) БССР. Оп. 1. – Д. 209. Списки и сведения о числе религиозных обществ в БССР и переписка с окрисполкомами об их регистрации. 1926 г.
27. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. – Оп. 1. – Д. 2325. Отчеты о работе агитационно-пропагандистских отделов окружкомов КП(б)Б. 1925 – 1926 гг.
28. Рогинский, Р.М. Старообрядчество Гомельщины и советская власть. 1920 – 1930-е годы (по архивным данным и устным источникам) / Р.М. Рогинский // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы X Междунар. конф., Москва – Боровск, 15 – 17 нояб. 2011 г. – М.: Боровск, 2011. – Т. 1. – С. 229 – 236.
29. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд Р5263. Постоянная центральная комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР. – Оп. 1. – Д. 32. Докладная записка по материалам Комиссии культов ЦИК СССР с 1.01 по 1.09. 1936 г. о состоянии религиозных организаций в СССР, отношении их к проекту конституции, о практике проведения законодательства о религиозных культах. 1933 – 1936 гг.
30. ГАООМО. – Фонд 9. Могилевский областной комитет КП(б) Белоруссии. – Оп. 4а. – Д. 42. Постановления бюро обкома КП(б)Б, докладные записки и справки о состоянии антирелигиозной пропаганды в области, о работе районных Советов Союза Воинствующих Безбожников.
31. Беглов, А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР / А. Беглов. – Минск: Изд-во Совет Русской Пр. Церкви, Арефо, 2008. – 352 с.